

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

Съ рисунками, картами и планами.

СОСТАВИЛЪ

Н. Н. АБАЗА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Святославъ, князь Кіевскій. — Завоеванія монголовъ и битва на Калкѣ. — Александръ Невскій. — Куликово поле. — Походы Тамерлана. — Осада и взятіе Казани. — Украинскіе казаки. — Защита Троицко-Сергіева монастыря. — Гетманъ Богданъ Хмельницкій. — Воинскія забавы и первые морскіе походы Петра Великаго. — Нарва и Полтава. — Побѣды Румянцова надъ турками. — Запорожское братство. — Штурмъ Измаила. — Походы Суворова въ Италіи. — Швейцарскій походъ. — Бородинская битва. — Наши партизаны. — Асландузская побѣда и взятіе Ленкорани. — Выступленіе Наполеона изъ Москвы. — Наступленіе въ Чечню и Дагестанъ. — Защита Гѣргебиля. — Кюрюкъ-Дара. — Черноморскіе пластуны подъ Севастополемъ. — Блокада Карса. — Экспедиція генерала Евдокимова въ Аргунское ущелье. — Гунибъ. — Дѣло двадцати казаковъ при мысѣ Чаграѣ. — Походъ въ Хиву.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1887.

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ,

въ 1873-мъ году.

оходъ генерала Кауфмана въ Хиву по счету—шестой. Говорятъ, первый походъ былъ также удаченъ. Уральскіе казаки, подъ начальствомъ одного изъ своихъ смѣлыхъ атамановъ, сдѣлали лихой набѣздъ на владѣнія хивинскаго хана. Его самого прогнали, столицу заняли, и казацкій атаманъ правилъ цѣлымъ народомъ 2 или 3 мѣсяца. Онъ захватилъ ханскую казну и даже женился на одной изъ ханскихъ женъ, которая приняла христіанскую вѣру. Однако, ханъ, собравши большое войско, подступилъ къ столицѣ. Въ жестокой сѣчѣ казаки были побиты или перерѣзаны; атаманъ сначала убилъ свою молодую жену, а затѣмъ бросился на ножи хивинцевъ и погибъ смертью храбрыхъ. Человѣкъ 5—6 спаслись отъ этого побоища; они-то и рассказали послѣ, какъ было дѣло. При Царѣ Петрѣ хивинскій ханъ самъ просилъ принять его въ подданство; онъ хотѣлъ этимъ припугнуть свой народъ, который бунтовалъ противъ него. Царь, вичего не зная, послалъ 4 тыс. войска подъ началь-

ствомъ Бековича-Черкаскаго, съ наказомъ завязать съ Хивой торговлю. Бековичъ пошелъ въ походъ лѣтомъ, въ самую страшную жару, причемъ потерялъ четвертую часть отряда. Какъ только русскіе переступили границу, началась битва, продолжавшаяся двое сутокъ; Бековичъ, окопавшись лагеремъ, билъ безостановочно хивинскую конницу изъ своихъ шести орудій. Тогда ханъ прикинулся, будто это нападеніе случилось безъ его вѣдома, и заключилъ съ русскими мирный договоръ; онъ даже поклялся надъ раскрытымъ кораномъ, что будетъ соблюдать его вѣчно. Русскіе пошли къ столицѣ, и дорѣгой ханъ уговорилъ Бековича развести русскія войска по разнымъ городамъ,—такъ, говорить, легче ихъ доводить. Бековичъ, мало знакомый съ коварствомъ азіатовъ, согласился. Тогда небольшіе русскіе отряды, разбросанные по городамъ, были вырѣзаны до послѣдняго человѣка; самого Бековича сначала засадили въ тюрьму, таскали на пытку и подъ конецъ отрубили несчастному голову. Съ этого времени хивинцы стали чрезвычайно дерзки; не проходило года, чтобы они не ограбили нашъ торговый караванъ, не угнали скотъ или верблюдовъ; казаковъ и мирныхъ людей таскали сотнями, обращая ихъ въ неволю. Чтобы напугать этихъ разбойниковъ, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ генералу Перовскому снарядить новую экспедицію. На этотъ разъ приготовились основательно и выступили зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ; думали, что лѣтомъ не пройти пустыней. Однако вышло еще хуже: наступили страшные морозы, снѣгу нанесло цѣлые сугробы; вихри и бураны задували въ степи по цѣлымъ недѣлямъ. Сдѣлавши половину пути и потерявши до 5 тыс. верблюдовъ, Перовскій долженъ былъ вернуться назадъ; еще долго послѣ того пройденный имъ путь обозначался трупами дохлыхъ верблюдовъ, къ которымъ сбѣгались волки, лисицы, слетались хищныя птицы.—Ставши твердою ногою на берегахъ Сыръ-Дарьи, утвердившись въ центрѣ бывшихъ владѣній великаго Тамерлана, покойный Государь, для чести и достоинства своей державы, также не могъ оставить безъ наказанія это разбойниче гнѣздо, не могъ дать въ обиду своихъ новыхъ подданныхъ. Въ половинѣ декабря

1872 г. было получено изъ Петербурга приказаніе идти въ Хиву четырьмя колоннами: одной—изъ Туркестана, другой—изъ Оренбурга, третьей—отъ береговъ Каспія, а четвертой — съ Кавказа; выйти имъ съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣмъ одновременно вступить въ границы хивинскаго ханства; общее начальство надъ всей экспедиціей поручено туркестанскому генераль-губернатору Константину Петровичу Кауфману, имѣвшему свой отрядъ. Раньше другихъ, а именно, въ февралѣ, выступилъ отрядъ полковника Веревкина, изъ Оренбурга. Въ этомъ отрядѣ находилось 3¹/₂ тыс. войскъ, безъ малаго 2 тыс. лошадей и до 5 тыс. верблюдовъ; солдатамъ дали полушубки, теплые сапоги; по всему пути до Эмбы стояли войлочные кибитки, у которыхъ заранѣе было заготовлено киргизами топливо и сѣно; запасовъ везли съ собой на 2¹/₂ мѣсяца. Каспійскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ломакина, былъ силами поменьше, верблюдовъ всего 400; но, кромѣ пѣхоты и казаковъ, подъ его начальствомъ находилось 12 сотенъ кавказскихъ горцевъ. На первыхъ же порахъ этому отряду пришлось жутко. Жары стояли страшные, пески раскалились, жгли ноги, слѣпили глаза; людей обдавало точно варомъ. А тутъ недостатокъ въ водѣ: колодцы попадались рѣдко, да и вода въ нихъ была мутная, соленая или же совсѣмъ черная, въ родѣ чернилъ. Скоро стали падать верблюды; въ одинъ день пало ихъ полтораста; и солдаты начали болѣть: солнечный ударъ, поносы, горячки — случались чаще всего. Въ такой бѣдѣ выручала лишь помощь товарищей; часто случалось, что казакъ велъ въ поводу своего измученнаго коня, на которомъ сидѣлъ больной пѣхотинецъ. 27-го апрѣля отрядъ Ломакина подошелъ къ колодцу, и такому глубокому, что успѣли напиться лишь немногіе, а слѣдующій колодецъ отстоялъ верстъ на 50. Утромъ пошли дальше, но къ полудню, подъ сильнымъ припекомъ, стали изнемогать и люди, и лошади. Когда дали привалъ, весь отрядъ повалился въ изнеможеніи на раскаленный песокъ; воды — ни капли; кругомъ ничего не видно, кромѣ бѣлаго песку. Но вотъ показались два киргиза, которые привезли радостную вѣсть, что недалеко есть колодецъ. Только-что успѣли не-

много освѣжиться, какъ прискакалъ изъ арьергарда казакъ и говорить, что солдаты не могутъ подняться, валяются на припекѣ безъ силъ. Ломакинъ приказалъ собрать всю посуду, какая нашлась въ отрядѣ, наполнить ее водой и, навьючивши на верблюдовъ, отправить назадъ. Отрядъ былъ спасенъ.

Въ первыхъ числахъ мая Ломакинъ подступилъ къ хивинскому городу Бунграду, гдѣ уже нашелъ нашихъ казаковъ изъ отряда Веревкина. Бунградскій губернаторъ выслалъ просить, чтобы русскіе остановились на три дня, пока привезутъ ему пушку, а не то онъ разсердится и не будетъ воевать. Однако русскіе не захотѣли ждать, пока явится грозная пушка, и пошли дальше. За Бунградомъ стали встрѣчаться туркмены. Эти лихіе наѣзтники, на своихъ чудныхъ коняхъ, не давали покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ походѣ, ни на бивакѣ. То они насккивали сбоку, то появлялись сзади или спереди; нападали на обозъ, стрѣляли изъ-за деревьевъ, изъ-за стѣнъ. Такой лихости, такой неутомимости русскія войска до сихъ поръ еще не встрѣчали ни разу. Тѣмъ не менѣе, отстрѣливаясь на каждомъ шагу, отрядъ Ломакина приближался къ Хивѣ.

Главный отрядъ, подъ начальствомъ Кауфмана, въ составѣ 18-ти ротъ пѣхоты, одной роты саперъ, 5¹/₂ сотенъ казаковъ и 18 орудій, двигался отъ береговъ Сыръ-Дарьи, перерѣзая ту же песчаную пустыню съ сѣвера на югъ. На первыхъ порахъ допекали наши войска проливные дожди и вѣтры; промочить до нитки дождемъ, а потомъ начнетъ леденить холодный вѣтеръ, въ то время какъ снѣгъ или градъ забиваютъ лицо. Поставить солдатъ на привалѣ шинельку, она стоитъ, точно кукла. Только это продолжалось недолго: отрядъ втянулся въ безводную пустыню, въ которой всѣ колодцы на счету, въ которой вмѣсто топлива — колючки, а кормъ, какъ говорятъ, верблюжьи. Погода стала жаркой, удушливой; степной вѣтеръ поднималъ тучи песку; доходило до того, что днемъ ничего не видно — ни человѣка, ни палатки. Если же и утихала эта песчаная метель, то солнце не жгло, а просто палило огнемъ, обжигая лицо, шею, кисти рукъ; почти у

каждаго были на шеѣ волдыри. На урочищѣ Адамъ-Брылганъ, что значить по-русски «человѣческая гибель», ночью затрубили тревогу. Живо построились стрѣлковыя роты и стали кругомъ на песчаныхъ холмахъ. На утренней зарѣ наши увидѣли, какъ туркмены то собирались въ кучки, то кидались въ-разсыпную, точно готовились къ атакѣ. Однако стрѣлки держали ихъ все время

Стенной походъ.

на разстояніи выстрѣла. Погарцовавши, туркмены черезъ часъ исчезли. Эта стоянка верстъ на 60 кругомъ считалась самымъ страшнымъ мѣстомъ пустыни; здѣсь погибали не только караваны, а погибло разъ цѣлое бухарское войско. Русскому отряду оставалось до рѣки Аму-Дарьи верстъ 70, и это разстояніе надо было пройти не иначе, какъ въ два перехода. Въ три часа ночи

стали выючить верблюдовъ; люди, лошади, орудія — утопали въ песокъ. Какъ только тронулись, наступила жара невыносимая, жгучая, точно душилъ кто за горло. Артиллерія еле тащится, верблюды падаютъ десятками, сотнями. Нѣсколько разъ генералъ пропускалъ мимо себя войска; опять ихъ обгонялъ и опять пропускалъ. Арьергарду было строго приказано жечь всѣ брошенные тюки, казенные ли, офицерскіе — все равно. Часу въ 10-мъ передніе остановились на привалъ, а задніе подходили до самаго вечера; болѣе 200 верблюдовъ остались въ пустынѣ, а сдѣлали всего 19 верстъ! Стали искать кругомъ воды; офицеры и солдаты рыли колодцы — нѣтъ, нигдѣ не показывается. Одинъ изъ джигитовъ объявлялъ, что тутъ недалеко, верстахъ въ семи, должны быть колодцы. Ему пообѣщали большую награду, если отыщеть, и въ свѣтлую, лунную ночь выѣхалъ джигитъ на поиски.

Видъ отряда былъ мрачный: кто сидѣлъ насупившись, кто тяжело стоналъ; иные, свернувшись, старались забыться во снѣ. Вдругъ всѣ сразу всполошились, слышались радостные крики, смѣхъ, плачь: «Вода, вода! Джигитъ нашелъ воду!» — Въ часъ ночи стали выючиться и на зарѣ подошли къ колодцамъ: «Алты-Кудукъ» — «шесть колодцевъ», хотя ихъ оказалось только пять. Сейчасъ поставили къ колодцамъ часовыхъ и назначили для порядка дежурнаго офицера: иначе никому бы не досталось. Цѣлый день таскали воду; колодцы глубокіе, сажень по 60 — 70, тащить трудно, а солдаты стоятъ да стоятъ — каждому-то хочется хлебнуть хоть разокъ. Къ вечеру было видно, что всѣхъ не напоить, не говоря ужъ о животныхъ, — отряду угрожала гибель. Генералъ, страдавшій больше другихъ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ порѣшили отправить всѣхъ верблюдовъ съ лошадьми на прежнюю стоянку, Адамъ-Крыганъ, тамъ ихъ напоить и привезти въ турсукахъ свѣжей воды. Такъ и сдѣлали. Напоить оставшихся людей было теперь гораздо легче, хотя таскали воду цѣлый день, таскали всю ночь. Солдаты повеселѣли; сначала слышались шутки, разговоры, а на третій день нельзя было узнать отряда: все шло такъ, какъ будто войска стоятъ ла-

теремъ гдѣ-нибудь въ Россіи. Солдаты запѣли пѣсни, принялись чинить сапоги, рубахи; заиграла музыка... Это было за два дня до праздника св. Николая. Въ этотъ день на отрядъ генерала Бардовскаго, стоявшаго съ верблюдами у Адамъ-Брылганъ, напали на ранней зарѣ туркмены. Стрѣлки, вытянувшись густою цѣпью, дали по нимъ залпъ, а ракетная батарея окончательно разогнала толпу въ 400 человекъ. Казаки гнали ихъ по сыпучему песку версты 4 и привели въ отрядъ двухъ плѣнниковъ. Имъ давно хотѣлось поймать живьемъ хоть одного туркмена, да все не давались. Плѣнные сейчасъ же стали молить, чтобъ имъ дали воды: они три дня ужъ не пили; всѣ колодцы въ пустынѣ были заняты нашими отрядами. Туркмены показали, что до Аму-Дарьи не болѣе 40 верстъ, что тамъ ожидаетъ насъ хивинское войско, въ 3¹/₂ тыс., а эти наѣзды дѣлаетъ киргизъ Садыкъ, самый первый разбойникъ въ степи. На 6-й день стоянки весь отрядъ Кауфмана поднялся съ Алты-Кудукъ, причемъ лишнія тяжести были оставлены на мѣстѣ. Вечеромъ опять показались туркмены, но на этотъ разъ въ большемъ числѣ; начинать дѣло было уже поздно, войска построились въ каре, частью на бугрѣ, частью въ ложинѣ; семь сотенъ конницы стали за однимъ изъ фасовъ. Туркмены всю ночь наѣзжали на пикеты. Стало свѣтать. Навьючили верблюдовъ, тронулись въ такомъ же порядкѣ, какъ ночевали. Обозъ двигался, оцѣпленный стрѣлками; по срединѣ шли сомкнутыя роты, готовые броситься въ штыки, а сзади 2 горныхъ орудія. Давши вытянуться, туркмены свернулись въ темную тучу и съ дикимъ крикомъ стали кидаться, повторяя атаки. При всякой атакѣ цѣпь открывала усиленную пальбу, а сомкнутыя части посылали залпы; по временамъ кидали гранату, причемъ туркмены мигомъ разсыпались. Такимъ образомъ отрядъ, не замѣчая того, продвинулся верстъ на 10, когда, наконецъ, завидѣли не то большую рѣку, не то озеро. Кто можетъ описать радость отряда? Забыты труды дальняго похода, забыты муки, которыя довелось каждому претерпѣть за эти долгіе палящіе дни и душныя безсонныя ночи! Солдаты подтянулись, офицеры пріободрились, радостная надежда освѣтила лицо главно-

командующаго; все прибавило шагу, спѣша къ завѣтнымъ берегамъ азіятской рѣки. Но это оказалась не рѣка, а озеро, у котораго уже два мѣсяца стояло хивинское войско, высылая въ степь развѣзды. Раздался выстрѣлъ фальконета, картечная пуля провизжала надъ головой генерала. Наши пустили нѣсколько гранатъ: за облакомъ пыли и песку все скрылось, а когда пыль улеглась — туркменъ ужъ не было. Отрядъ расположился на берегу озера. Обвѣзжая войска, Кауфманъ благодарилъ ихъ за понесенные труды, за молодецкую службу; онъ поздравлялъ ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ похода. Никогда, быть можетъ, не были такъ отзывчивы сердца солдатъ, жадно провожавшихъ глазами своего генерала. Здѣсь, вдали отъ отечества, стоялъ небольшой русскій отрядъ, который два мѣсяца боролся съ ураганами, съ палящимъ и удушливымъ зноемъ, и все это вытерпѣлъ, бодро перенесъ, готовый во всякую минуту броситься на врага. Ни одинъ солдатъ въ мірѣ не вынесъ бы того, что вынесли русскіе солдаты въ этомъ походѣ. Такъ думалъ и такъ говорилъ самъ генералъ, раздѣлявшій всѣ ихъ труды и страданія. Со временъ Александра Македонскаго ни одно европейское войско не бывало на берегахъ Аму-Дарьи, къ которой приблизились русскіе.

Составивши ружья, стали варить пищу, поить верблюдовъ. Бѣдные животныя не пили четвертые сутки. Кавалерія ушла на развѣдку; командующій войсками проѣхалъ со свитой къ рѣкѣ, до которой оставалось еще 10 верстъ. Тихо протекала Аму въ своихъ отлогихъ песчаныхъ берегахъ; вода мутная, желтоватая, но вкусная. На отмели рѣки сидѣлъ каюкъ съ десяткомъ туркменъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ разогнали наши казаки. Уральцы вызвались завладѣть этимъ каюкомъ. Они раздѣлись до рубашекъ и, держась за гривы лошадей, пустились вплавъ; перешли черезъ мель, опять поплыли. Туркмены, видя бѣду, прыгнули въ рѣку — человекъ пять доплыли до другого берега, остальные потонули. Тогда уральцы стащили каюкъ съ мели и вернулись обратно; въ каюкѣ оказалось 30 барановъ, лошадь и корова. Кауфманъ, кромѣ живности, подарилъ лихимъ уральцамъ сто рублей; каюкъ же

долженъ былъ служить для переправы войскъ. У насъ съ собой было только 3 понтона, четвертый бросили дорѣгой. Изъ нихъ снарядили маленькую флотилію, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Зубова, бывшаго моряка; нашлося еще два матроса, посадили стрѣлковъ и приказали имъ нахватать побольше каюковъ. Туркмены слѣдили за ними съ того берега и пустили штукъ 25 ядеръ, но Зубовъ отлично лавировалъ, такъ что ни одно не попало. Оказалось, что у хивинцевъ на той сторонѣ стояла крѣпостца, подъ стѣнами которой былъ разбитъ ихъ лагерь. Генералъ вызвалъ къ берегу конный дивизионъ. Орудія скоро пристрѣлялись, и каждая граната производила сильное разрушеніе; мало-по-малу хивинцы очистили и свой лагерь, и крѣпостцу. Было видно, какъ, уходя, они потащили за собой два подбитыхъ орудія. Тѣмъ временемъ флотилія Зубова успѣла наловить каюковъ, и 18-го числа началась переправа. Она шла цѣлый день, безъ всякой помѣхи, изъ чего можно было заключить, что хивинцы вовсе не способны къ оборонѣ. На томъ берегу тихо, сонно, крѣпостца оставлена безъ защиты. Переправой русскихъ войскъ распоряжались саперы. Славный народъ! Во время похода они рыли колодцы, спускались на дно, вымѣривали глубину воды, а теперь молодецки нагружали на этомъ берегу и разгружали на томъ: безъ нихъ какъ бы плохо было! Отрядъ расположился лагеремъ возлѣ крѣпостцы, въ песчаной котловинѣ; кругомъ въ два яруса тянулись бугры наноснаго песку, а версты за двѣ отъ лагеря начинались уже кишлаки, или сады. Наши фуражиры скоро добыли порядочно клевера, но жителей не видали: всѣ попрятались. На другой же день они явились сами; въ лагерь открылся базаръ. Хивинцы навезли муки, цыплятъ, овецъ, овощей, пшеничныхъ лепешекъ, абрикосовъ, рису, сахару, чаю, травы для лошадей. Солдаты разсыпались между телѣгами; кто зналъ по-татарски или по-киргизски, тотъ живо кончалъ дѣло; большинство же обходилось какими-то непонятными для посторонняго знаками и жестами. Хивинцы не хотѣли брать нашихъ бумажекъ; за все платили имъ серебромъ. Народъ этотъ—невысокій, худой, съ длинной черной бородой и недобрымъ выраженіемъ лица;

одѣты въ широкія шаровары, рубашку и халаты до пятъ; почти всѣ босы; на головѣ — высокая мерлушечья шапка; халаты стеганные, на ватѣ. Нашихъ солдатъ они нисколько не боялись и лупили за каждый пустякъ въ три-дорога, а прежде думали, что вотъ придетъ урусъ, все даромъ заберетъ. Таковы ужъ всѣ азіаты.

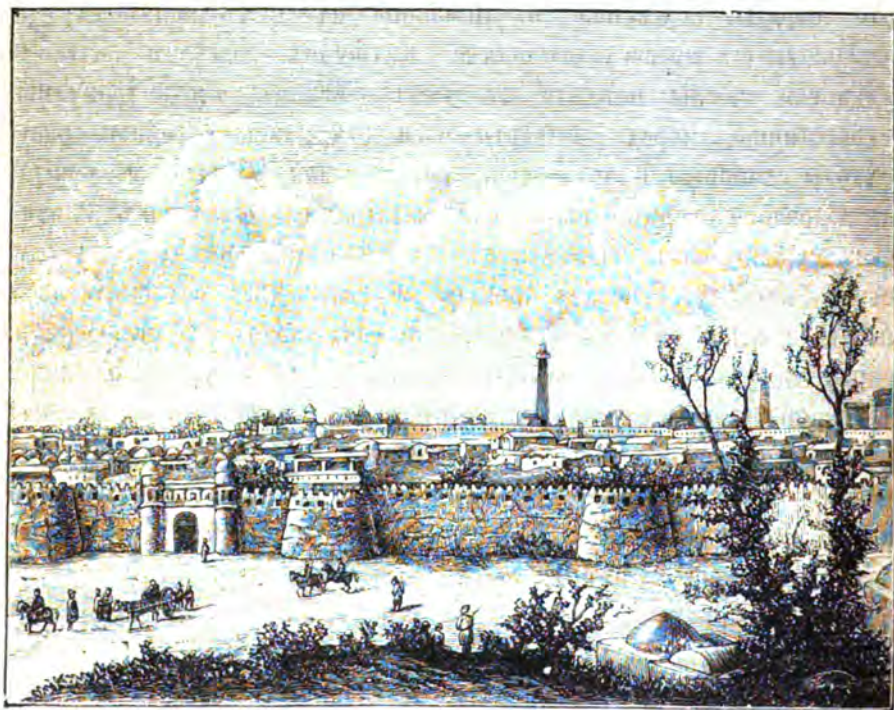
Прошло три дня; хивинцы прекратили подвозъ. Послѣ узнали, что ханскія войска пригрозили жителямъ, чтобы они не смѣли выѣзжать на базаръ. Тогда командующій войсками отрядилъ полковника Чайковского узнать мѣстность и запастись фуражемъ. Черезъ полчаса пути отрядъ вступилъ въ плодородную страну, гдѣ по обѣ стороны тянулись поля, засѣянные хлѣбомъ; немного дальше начинались сады, въ которыхъ росли яблони, груши, абрикосы, вишни, высокіе столѣтніе вязы, подъ которыми журчали ручейки; надъ дорогою свѣшивалась шелковица, обсыпанная сладкими бѣлыми ягодами. Изъ-за зелени выглядывали сѣрыя глиняныя жилища узбековъ. Такъ называются коренные жители ханства, помѣщики. Ихъ жилища огорожены крѣпкими глиняными стѣнами, сажени три высотой, а по бокамъ — башенки; входъ запирается тяжелою дверью. Въ домахъ — темно, мрачно; оконъ нѣтъ, а просто дырки въ стѣнѣ; у богатыхъ узбековъ дома убраны коврами, яркими цыновками, одѣялами и подушками. Начальникъ отряда самъ заходилъ въ дворы и, гдѣ хозяева были дома, объявлялъ имъ, чтобы везли въ лагерь на продажу свои продукты; гдѣ же хозяевъ не было, тамъ разрѣшалось брать кормъ для лошадей даромъ. По дорогѣ безпрестанно попадались мостики, перекинутые черезъ арыки, или оросительныя каналы. Если бы хивинцы сумѣли приспособить такую мѣстность къ оборонѣ, то наши потери могли быть очень велики; что ни домъ, то крѣпость; деревья, кустарники, каналы, — что можетъ быть выгоднѣе для упорной обороны? Выйдя изъ садовъ, отрядъ увидѣлъ подъ стѣнами крѣпостцы толпу туркменовъ; послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ изъ горныхъ орудій она укрылась за стѣны Хазаръ-аспа. — Такъ называлась хивинская крѣпостца. Постоявши около часа другъ противъ друга, наши повернули въ лагерь.

На другой день выступилъ по той же самой дорогѣ весь туркестанскій отрядъ; Хазарь-аспа заняли безъ выстрѣла. Это оказалась довольно порядочная крѣпость, лучше самой столицы; окружена со всѣхъ сторонъ озеромъ и прилегающими садами; стѣны высокія, съ зубцами; ворота также высокія, по обѣ стороны которыхъ кирпичныя башни. Жителей въ этомъ городѣ тысячъ шесть; многіе перебрались сюда, слышавъ о походѣ русскихъ, въ надеждѣ, что крѣпость будутъ защищать. Сначала они робѣли, но когда Кауфманъ объявилъ, чтобы они продолжали заниматься своимъ дѣломъ, то въ этотъ же день открылся базаръ. Въ крѣпости нашли нѣсколько пушекъ, множество фальконетовъ, пороху, фуража и старинную карету на высокихъ рессорахъ. 27-го мая, отрядъ двинулся дальше. По всему пути народъ высыпалъ на дорогу, заявляя свою покорность; въ знакъ мира, жители подавали хлѣбъ, абрикосы; иные тащили ягнятъ, даже барановъ. Только-что успѣли разбить для ночлега палатки, какъ было получено отъ хана письмо; онъ писалъ что хивинцы драться не желаютъ и сдаютъ свою столицу безъ боя. Главнокомандующій написалъ отвѣтъ и требовалъ, чтобы ханъ завтра выѣхалъ на-встрѣчу, но что русскія войска все-таки пойдутъ впередъ. Старикъ-хивинецъ, взявши это письмо, сказалъ, что русскіе уже берутъ городъ и два хивинскихъ батыря убиты. Тутъ только командующій войсками узналъ, что отрядъ Веревкина стоитъ подъ стѣнами столицы. Наши успѣли отнять 4 орудія и готовили въ стѣнѣ проломъ; самъ Веревкинъ получилъ тяжелую рану въ голову, такъ что долженъ былъ сдать начальство старшему послѣ себя полковнику Скобелеву. Тогда генералъ послалъ въ этотъ отрядъ приказаніе прекратить бомбардировку. Рано поднялись войска на послѣднемъ переходѣ; всѣмъ хотѣлось поскорѣе добраться до этой, точно заколдованной, Хивы. На половинѣ дороги повстрѣчалась толпа всадниковъ, на чудесныхъ жеребцахъ, украшенныхъ богатѣйшей сбруей и съ щегольскими на сѣдлахъ чепраками. Всѣ думали, что выѣхалъ ханъ, но оказалось, что это былъ его дядя Сеидъ-Умаръ, старикъ лѣтъ 70-ти, одѣтый въ ярко-зеленый халатъ и большіе сапоги изъ бѣлой

кожи съ острыми, загнутыми вверх носками. Когда, всё усьлись въ кружокъ, Сеидъ-Умаръ объявилъ, что его племянникъ бросилъ столицу, и что ни онъ, ни его подданные не желаютъ сражаться. Командующій войсками сказалъ на это, что его очень огорчаетъ бѣгство хана; пусть онъ возвращается въ столицу, въ противномъ случаѣ на его мѣсто будетъ посаженъ другой ханъ. Только что кончилась бесѣда, какъ явился офицеръ и доложилъ генералу, что отряды Веревкина и Ломакина находятся неподалеку и ожидаютъ его превосходительство. Бауфманъ, вся его свита и хивинскіе послы поѣхали къ этимъ войскамъ; сзади тронулись туркестанцы. Черезъ четверть часа открылись стройные ряды пѣхоты, конницы и артиллеріи; войска были одѣты щеголевато, въ парадной формѣ, выглядѣли молодцами. Полковникъ Саранчевъ командовалъ: «на-караулъ», музыка ашперонскаго полка заиграла встрѣчу. Генералъ началъ объѣздъ. Онъ останавливался передъ каждою отдѣльною частью и благодарилъ за молодецкую службу. Тутъ стояли бородатые оренбургцы и уральцы, лихіе сунженцы, мусульманская сотня въ своихъ нарядныхъ костюмахъ, боевые кавказскіе батальоны, привыкшіе къ степной войнѣ линейные. Уралъ, Терекъ и Сунжа, Кавказскія горы — всё выслали своихъ дѣтей поглядѣть на Хиву. Послѣ блестящаго смотра солдаты и офицеры всѣхъ трехъ отрядовъ перемишались, разыскивая друзей, знакомыхъ, земляковъ. Въ глубинѣ Азіи, передъ непріятельскою столицею и послѣ тяжелыхъ трудовъ, многихъ ожидала радостная встрѣча. Четвертому отряду, полковника Маркозова, не суждено было добраться до Хивы: онъ вернулся съ половины дороги. На пути этой колонны колодцевъ оказалось еще меньше, чѣмъ встрѣчали прочіе отряды; жары доходили до 60 градусовъ — это все равно, что въ бавѣ, на полкѣ; солдаты мучились отъ жажды, верблюды падали сотнями. Для спасенія отряда, Маркозову ничего больше не оставалось, какъ вернуться назадъ.

Между тѣмъ изъ города безпрестанно пріѣзжали къ генералу всадники и, получивши отъ него приказаніе, уносились обратно; послѣднее приказаніе дано: снять пушки, и когда оно было испол-

нено, войска стали въ ружье. Послѣ захожденія головныя части шибко пошли впередъ. Вотъ, наконецъ, и Хива: ея высокія, зубчатая стѣны, за которыми виднѣются вершущи деревьевъ; торчатъ остроконечныя вершины минаретовъ, возвышаются круглыя куполы мечетей; посрединѣ — огромная, круглая башня, блестящая какъ фарфоръ. На улицахъ и перекресткахъ уже стояли наши

Видъ города Хивы.

войска; музыка играла вступающимъ встрѣчу; громкое единодушное «ура» потрясало стѣны азіятскаго города, никогда не слыхавшаго ничего подобнаго. Улицы въ Хивѣ узкія, кривыя, покрыты страшною пылью; у домовъ и стѣнъ толпился народъ, но выглядѣлъ какъ-то тупо; лица у всѣхъ бронзовыя, хмурныя, съ тѣми же нахлобученными высокими бараньими шапками. Голова отряда вступила на просторную площадь, къ которой примыкали ханскій

дворецъ, мечеть и лавки. Здѣсь остановилась пѣхота и дивизионъ конной артиллеріи; остальное пространство занялъ народъ. Выѣхавъ на площадь генералъ Кауфманъ, еще разъ раздалось громкое «ура», хивинцы сняли шапки... Народу было объявлено, что онъ можетъ заниматься своимъ обычнымъ дѣломъ, ничего не опасаясь: войско «Бѣлаго» Царя пришло не для разрушенія, а для того, чтобы устроить въ ихъ землѣ порядокъ; всѣ же старыя провинности будутъ забыты. Затѣмъ, оставивъ караулы въ разныхъ частяхъ города, войска расположились лагеремъ версты за полторы отъ Хивы, въ большомъ, тѣпистомъ саду, принадлежавшемъ хану. Тутъ стоялъ его лѣтній дворецъ.

Первымъ распоряженіемъ русскаго «сардаря» было освобожденіе рабовъ. Въ Хивѣ, до прихода русскихъ, существовалъ особый невольничій рынокъ, на которомъ продавались персіяне, русскіе... Русскій человѣкъ шелъ въ цѣнѣ отъ 15 до 30 рублей, персіянинъ — дешевле; русскіе почти всегда доставались хану. Тяжка была участь этихъ несчастныхъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ достигали высокаго положенія въ ханствѣ: командовали войсками, завѣдывали артиллеріей или стрѣлковымъ обученіемъ пѣхоты. Плѣнниковъ доставляли больше туркмены: они хватили свои жертвы, истязали ихъ пытками и держали всегда въ-проголодь, въ предупрежденіе побѣговъ. Киргизы приводили плѣнниковъ съ границъ Сибири и Оренбургской губерніи. Сколько было радости, когда эти страдалцы только узнали о приближеніи русскихъ!—2-го іюня возвратился изъ бѣгства ханъ и явился къ русскому сардарю. Генералъ принялъ его передъ своей палаткой, на мощеной кирпичной площадкѣ, устланной коврами. Когда ханъ подъѣхалъ къ своему же дворцу, то слѣзъ съ коня и смиренно шелъ пѣшкомъ; поднявшись на площадку, онъ, по хивинскому обычаю, усялся на коврѣ, причемъ поджалъ подъ себя ноги. По виду это былъ крѣпкій и здоровый мужчина, безъ малаго сажень ростомъ, широкій въ плечахъ, пудовъ семи вѣсу, въ шелковомъ, ярко-синемъ халатѣ, безъ оружія. Ханъ сидѣлъ, поникши головой, едва осмѣливаясь поднять глаза на русскаго генерала.

— «Великій Бѣлый Царь, — сказалъ ему Кауфманъ, — не желаетъ свергать васъ съ престола. Онъ слишкомъ великъ, чтобы мстить вамъ. Онъ показалъ вамъ свое могущество и теперь хочетъ васъ простить».

— «Я знаю, что поступалъ очень дурно, — отвѣтилъ ханъ. — Мнѣ давали дурные совѣты. Впередъ я буду знать, что мнѣ дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость ко мнѣ; я всегда буду ихъ другомъ».

— «Теперь вы можете возвратиться въ свою столицу. Скажите своимъ подданнымъ, что русскіе — не разбойники и не грабители, а честные люди. Они ничего не тронутъ — ни ихъ женъ, ни ихъ имущества. Пусть мирно живутъ и занимаются своимъ дѣломъ». — Затѣмъ ханъ уѣхалъ. Послѣ того онъ бывалъ еще много разъ виѣстѣ со своимъ братомъ и однажды присутствовалъ на смотре русскихъ войскъ. Съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ удивленіемъ смотрѣлъ онъ, когда проходили мимо него наши солдаты твердымъ мѣрнымъ шагомъ подъ звуки музыки! Особенно удивительнымъ ему казалось, когда войска дружно, какъ одинъ человекъ, отвѣчали на привѣтствіе генерала: «Рады стараться, ваше превосходительство!» Этотъ откликъ поражалъ его своею необычностью, казался ему чѣмъ-то волшебнымъ. — «Такъ вотъ, — думалось ему, — урусы, которые покоряютъ мусульманскіе народы! Одна ихъ горсть валила въ Самаркандѣ цѣлыя рати; нѣсколько сотенъ взяли приступомъ великій Ташкентъ съ его стотысячнымъ населеніемъ, и теперь — много ли ихъ тутъ? — забрались ко мнѣ, хозяйничаютъ у меня, какъ дома»... Такъ думалъ ханъ, пока проходили мимо него стройными рядами славныя русскія войска.

